

ОН, ОНА, ГЕРМЕС И ТА ПОЧТИ МИНИАТЮРНАЯ СУМАСШЕДШАЯ (ДРАМА-ИССЛЕДОВАНИЕ ВСЕЙ ФАНТАСМАГОРИИ ЛЮБВИ)

Julian double J

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ:

Он (Алекс), мужчина средних лет, симпатичный, стройный, изящный блондин без предрассудков, с известным чувством юмора, главный редактор глянцевого журнала

Она (Марго), красивая, умная, очень женственная особа, с многочисленными достоинствами тридцатилетняя телеведущая

Гермес, двадцатилетний рыжий молодой человек с модельной внешностью и многочисленными претензиями на всеобщее внимание, сотрудник Алекса, журналист

«**Та почти миниатюрная сумасшедшая**», неопределённого возраста миловидная, с внешними данными и лицом подростка женщина, почти фея.

«**Огненные**» люди из **файер - шоу**.

ДЕЙСТВИЕ 1

Картина 1

Сцена представляет открытое пустое пространство с возвышающимся подиумом из неокрашенных досок посередине. На нём стоит высокое из грубого деревянного бруса кресло, напоминающее стиль шекспировских постановок, с факелами вместо спинки. У края авансцены расположен также небольшой бассейн с водой в нём. Во всём остальном абсолютную аскетичность декораций подчёркивает минимализм атрибутики спектакля. Желательно в противовес оформлению использовать яркие костюмы для персонажей и сочную мажорную музыкальную канву. «Спинка кресла» вовсю полыхает настоящим живым огнём, который готов сожрать и само кресло, и сцену, и всё остальное...

Алекс (*В центре авансцены, держа Маргариту одной рукой за загривок, другой сжимая её горло железной хваткой, сквозь зубы*): Да, я обычный мужчина, самец, каких сотни... И это не преступление, дорогая... Быть таким же, как сотни других в мире ... Это не преступление... Я знаю, ты сердишься, ты очень сердишься и это твоё право, твоё святое право, моя дорогая...

Марго (*пытаясь избавиться от его цепкой хватки*): Я не хочу слышать твою оправдательную трепотню, твой паршивый голос! И не называй меня «моя дорогая», урод...

Алекс (*резко, безапелляционно*): А ... Ты просто не хочешь быть неправой. Ты ищешь возможность оскорбить моё мужское самолюбие. Тебе важно быть правой, быть правой, быть правой, моя дорогая ... Сука! ... Ах, прости, прости... Ты, наконец, видишь во мне ... врага?!

Марго (*сдерживая тихую ярость*): Я не хочу видеть в тебе никого... я не хочу видеть тебя в принципе. Но пока ты будешь торчать рядом, я не хочу ни видеть тебя, ни слышать, понял?.. А теперь отпусти меня, мне пора на телестудию, поддонок!

Алекс (*кричит*): А! Так тебе нужно на телестудию, тварь, дрянь... (*дразнит*) ... «мне пора на телестудию, поддонок!» Так дрянь? Так тварь? А я не пущу тебя никуда пока не задушу! Ты поняла, поняла меня, сука... Стерва!!!

Марго: Сам ты стерва, поддонок! Отпусти, отпусти меня! Я сама убью тебя! Отпусти!

Алекс (*успокаиваясь*): Вот же сука... Я никуда не отпущу тебя, не надейся, пока не поставлю на колени и не убью... (*Швыряет её на пол*). Тварь! Дрянь...

Марго (*кричит*): Да, пошёл ты, пошёл ты, козёл! Урод!! Урод!!! (*Убегает.*)

Алекс (*Он пробегает за ней несколько метров, останавливается, хватая факелы и с разбегу суёт их в бассейн с водой. Они шипят и гаснут. Устало присаживаясь на авансцену*): Значит, всё. Всё. Какое безобразное слово. Какой ужасный финал... Я не мог сопротивляться, пойми (*кричит*)... ты никогда не могла понять мою тягу к настоящей свободе чувств! Никогда не хотела услышать моего зова плоти... Ты причина всей этой безнадёжности между нами, между мной и тобой!!! (*Медленно ходит по краю авансцены, успокаиваясь. Возвращается к креслу, садится в него, долго, с лёгкой улыбкой смотрит в зал, улыбается своим внутренним видениям...*): Отчётливо помню ленту городской улицы... Люди струятся почти парящим потоком, колышутся лица спешащей толпы, летний полдень обжигающе бодр и элегантен, как огромный шар с горячим воздухом. Ты – по-королевски спокойна и лучезарна, я – почти уверен в себе и в том, что не буду отвергнут сразу и бесповоротно... Да, слегка взволнован, чуть экстравагантен в своей летней соломенной шляпе, потешных мокалинах на босу ногу и майке и шортах от Кардена... Жаркий, жаркий полдень роскошного мегаполиса.

Картина 2

Алекс: Девушка! Я – художник и я в Вас влюблён... Разрешите пригласить Вас на танец!.. Можно?! (*Шёпотом, страстно, про себя*): Долгий испытующий взгляд. О, эти взгляды! Какие оценивающие, пронзительные, вбирающие мужчину до центра, до самой сердцевины, затягивающие в себя, точно оценивая Вашу мужскую статью и примеряя к своей женской плоти... О, как же хочется поиметь тебя прямо здесь! Хочу тебя... О, эти женские, мучительно сладкие взгляды... (*Повторяет*): Можно?

Марго (*улыбаясь*): Прямо здесь? Посреди толпы?

Алекс (*медленно и даже как-то изящно, словно танцуя, поднимается с кресла и снова выходит на авансцену, страстно шепчет*): Вот они твои улыбающиеся губы, твоя осиная талия, этот твой пьянящий взгляд, взгляд молодой красивой незнакомки... Хочу тебя... прямо сейчас, здесь. Мы будем по-настоящему счастливы. Смею надеяться, смею надеяться, смею надеяться ... (*Ей*): Да... Здесь.

Марго: Ну, тогда отойдём, хотя бы в сторонку.

Алекс (*по-мальчишески азартно, радостно*): Да, конечно, немедленно!.. (*Себе*): О, спасибо, спасибо, спасибо, Господи! (*Опять ей*): Да, да, отойдём, отойдём в сторонку, моя дорогая, моя бесценная и прекрасная незнакомка... (*Он берёт её за руку и они отбегают к краю сцены, начиная неистово совокупляться*).

Марго: Давай, милый. Я так этого ждала. Мне мало, мало. Глубже, прошу тебя. Еще, еще, еще... (*Яростный танец секса по-возможности должен быть настолько же символически-условен, как обезоруживающе и шокирующе достоверен. Наконец, как будто выныривая из безудержного водопада ласк и страсти. В зал*): Я задыхался. Я хотел ее еще и еще, но сил не оставалось, безумие хлестало из меня тугой струей безудержного и горячего потока: спермой, страстью, потом, нежностью и... безысходностью. Я не знал и не думал, чем все это может закончиться. Но одно знал хорошо,— если я потеряю ее, то потеряю смысл не только будущего, но и теперешнего, настоящего, жгучего момента времени. Наши тела безвольно отпрянули друг от друга расслабленными, истощенными детенышами, которые пытались поделить кусок пищи, брошенный им заботливой матерью-Природой... (*Из пустоты и темноты вдруг знакомо и тоскливо врывается к зрителям гнусавая и томная мелодия саксофона.*)

Марго (*как бы подхватывая и продолжая тему*): Мы шли медленно. Вальсирующий свет вечерних огней задевал нам руки, лица, одежду, и падал, падал, как падают звезды — стремительно и таинственно, со стремительной и таинственной же высоты. Пространство и листья, вечерняя даль, и опять — пространство и листья... И эти вальсирующие вокруг нас огни... Мы шли по пространству Тверского бульвара, и свет вечерних огней создавал ощущение театрального действия из пьесы какого-нибудь ностальгирующего автора. (*Ему*): Я замужем. И я счастлива в браке. Вернее, мы так условились. Называться мужем и женой. А для любви ведь не обязательно быть мужем и женой. Для любви... надо любить. Вот уже третий вечер мы гуляем с тобой. Мы гуляем по тихим улочкам, заходим в бары, кино... И опять гуляем... Вот уже третий вечер ты слушаешь, как я счастлива в любви. И ты — рядом. И мы гуляем... (*Молчание*). Он ждет меня. Я говорю, что я иду к подруге, что помогаю разобраться ей со своими делами. Ведь она просит помочь ей... И я не могу отказать. Но вот я опять с тобой. А моя бедная подруга, я уж не знаю, существует ли моя подруга... Я уже не знаю, существует ли какая-либо реальность, кроме этих улочек, улочек и вечерних огней... Но меня ждут. Мне пора.

Алекс (*сухо*): Мы увидимся завтра? Я буду ждать на том же месте.

Марго: Не знаю. Наверное, нет. У меня много дел.

Алекс: С подругой?

Марго: С мужем... *(Молчание)*.

Алекс *(жёстко)*: Которого нет.

Марго: Который меня ждет.

Алекс: А что делать нам?

Марго: Я – женщина! Женщина... Понимаешь? Какой совет ещё тебе нужен?..
(Следует непродолжительная борьба. Они снова совокупаются.)

Алекс: Ты придешь завтра?

Марго: Зачем? Чтобы опять гулять?

Алекс: А ты бы хотела...

Марго: Я ничего бы не хотела. Ладно. Я приду. На то же место. Бедный мой муж. О-о-о... Бедный, бедный муж. *(Выскальзывает из его объятий.)* Мне пора.

Алекс: Я буду ждать. По-моему, ты зря думаешь в такие моменты, что слова могут заменить суть. Иди к своему мужу. А завтра я буду ждать тебя на том же месте. И мы снова будем гулять, снова, снова и снова будем гулять.

Марго: Мне пора... *(Уходит.)*

Алекс: *(Продолжая уже наедине с собой)*: Мы поцеловались. Затем она медленно удалялась, растворяясь в сумерках вечерней туманной улочки. Я стоял, и смотрел ей в след. Еще долго смотрел ей в след, затем повернулся и пошёл в противоположную сторону. Плотный как сметана туман густел. Ни души... Так все это начиналось. А теперь мне 35... И я абсолютно счастлив с ней, с Маргаритой. Я люблю её. Теперь я – главный редактор модного глянцевого журнала. Состоявшийся успешный бизнесмен, эстет, который может себе многое позволить... Мне смешно временами от осознания того, каким же я был безнадежным лохом и романтиком в молодости... Какой прикол! *(Затемнение.)*

Картина 3

Алекс *(стоит с бокалом вина, глядя в зал, и потягивает терпкую красную жидкость медленными глотками)*: Итак, мне 35 и... я счастлив в семейной жизни.

Марго (*Появляясь из-за кулисы, подходит к креслу в центре подиума и тихонько стучит по его спинке.*)

Алекс (*резко оборачиваясь на стук*): Ну, ты поздно, малыш. Что-то случилось?

Марго: Ничего, милый. Случилось то, что ты знаешь... Сегодня первый день в эфире моей новой программы. Я летела к тебе со всех ног, боялась опоздать на нашу вечеринку.

Алекс: А я волновался...

Марго: А я знаю, я летела на крыльях, боялась опоздать. Знаю, что ты переживаешь, когда меня нет долго. Но меня проводили. Вернее...

Алекс: Кто? Почему ты не прислала SMS? И почему не отвечала на звонки? Почему? (*настойчиво*): Я звонил, я волновался.

Марго: Ничего значащего. Профессор, выступавший сегодня в премьер-программе любезно предложил подбросить меня до дома...

Алекс (*ещё настойчивее*): У тебя что, сломалась машина? Что случилось?

Марго (*примиряюще*): Да всё нормально, милый.

Алекс (*наступая на неё, почти крича*): Что происходит, Марго? Что происходит? Я могу знать, чёрт возьми!

Марго: Милый, ну, не превращай это в пустую семейную дразгу. Меня просто довез до дому случайный провожатый. Я согласилась на его любезное предложение, тем более он – прекрасный собеседник, и мне не было скучно. Ты же не хочешь, милый, чтобы мне было скучно. Я ведь люблю поболтать.

Алекс: А мобильник?!

Марго: Был отключён во время записи передачи. Ты зря так горячишься!

Алекс (*более миролюбиво*): Ну, ты ведь знаешь, к чему иногда приводит подобная трепотня. Тем более я ревнив, как мавр... Кто-то смотрит на мою жену, болтает с ней, говорит разные словечки, ухаживает...

Марго: Ты хочешь испортить нам вечер? Не будь скучным.

Алекс: Скучным? Ты сделала все возможное, чтобы я тут, как лев в клетке, метался в ожидании тебя. Наверное, все соседи всполошились от моей беготни по комнатам. А ты... ты называешь это "быть скучным"?!

(Она подходит к нему, обнимает за плечи. Он шутливо сопротивляется.)

Алекс (*шутливо*): Нет, нет, изменщица... Я не прощаю измен. Я подам в суд... на развод, раздел имущества. Я подниму персонал на своей работе, людей с твоего телецентра... Я вручу им плакаты с призывом искоренить ложь в наших отношениях... Я устрою бунт... революцию... гражданскую войну, наконец... Я

разбужу город. Я... я... И я тебя люблю. Не покидай меня, пожалуйста, ни на секунду... Никогда. Не давай мне повода к ревности. Я ревную, когда тебя долго нет. Я волнуюсь, и ты знаешь это. Я люблю тебя.

Марго: И я люблю тебя, милый. *(Они целуются.)* - Ну, а теперь будь умницей. Ты купил вина?

Алекс *(показывая и поднимая бокал над головой):* Я даже нарезал хлеб, в мучительном ожидании тебя. Ты опоздала на целых полчаса.

Марго: Ну, не шуми, не шуми. Я твоя... Я здесь...

Алекс: Ну, тогда пировать. Я согласен на перемирие.

Марго *(подходит вплотную):* Миротворец ты мой любимый. Подожди, я только сменю свой дневной костюм на вечернее платье. И мы устроим, наконец, долгожданный сабантуй. *(Кокетливо через голову снимает пиджак, растёгивает боковую молнию на узкой, в талию, юбке, и, игриво поболтав бедрами, сбрасывает её с себя на пол. Он любовно разглядывает её стройную, подтянутую фигуру, чмокает губами и, изображая гурмана, дурашливо вздыхает и делает недвусмысленные жесты в предвкушении чего-то чрезвычайно занимательного. Она вешает костюм на специальную вешалку для него и, обернувшись к мужу, медленно, томительно медленно начинает стягивать с себя легкую прозрачную комбинацию):* Ну, и как у нас дела с желаниями? Все в порядке? Проблем нет?..

Алекс *(задумчиво, почти не слушая):* Все хорошо, если бы не одно пикантное обстоятельство... *(В зал):* У меня на работе появился некий субъект, который чрезвычайно напоминает ее в молодости. И этот субъект – один презанимательнейший молодой человек. Его зовут Гермес... *(Затемнение.)*

Картина 4

Алекс *(В зал):* Странно, но я признал его еще тогда, в первый раз. Когда он заскакивал для принятия на работу в редакцию, и, уходя, лишь мельком одарил меня легким, быстрым взглядом, выпорхнул... и растаял, словно и не было. Помню, он выделялся какой-то одному ему присущей грацией, особым исходившим от него ароматом молодости и сексапильности. Хотя больше всего меня поразила, конечно же, его безукоризненная манера одеваться и выглядеть щёголем и франтом, казалось, за счёт одних лишь смелости и вкуса. Всё это живо напомнило мне меня самого лет пятнадцать назад ... и я потерялся... Лишь изредка приходили кое-какие мысли, бессвязные обрывки неких картинок, образов, оттенков мысли... Я и не придавал этому особого значения, но все же старался иногда возвращать эти ощущения, следить, как прозрачно, почти не касаясь моего душевного склада, скользит это призрачное, но колкое, ломаное видение по всем лабиринтам моего ума. Дым, легкий дым остается от этого присутствия, и медленно испаряясь, исчезает в небытие... Но что-то глубокое, темное, слегка шевельнувшись, обладает внутренности жаром и холодом неизмеримого пространства... Томительным

желанием узнать что-то еще об этом человеке, взглядеться и определить в закоулках сердца крохотный, но безраздельно живой огонек... Потом он заходил еще и еще, и еще. Он как бы и не замечал меня, - никаких поползновений. И с моей стороны, никаких... Да и что могло быть для него особенного в обычном бизнесмене, пусть и вице-президенте компании... Но однажды, столкнувшись с ним в полутемной, насквозь продымленной «курилке» на втором этаже, я буквально наткнулся на сочную влагу его пронизательного взгляда и ощутил – о, господи – что-то резко поднявшееся из глубины его существа призывом к моему существу, глубоко спрятанной жажде обладать и быть любимым... Нет, никогда во мне не возникал опасный импульс раскрутить на стороне, в тайне от Марго, интимную историю. И вместе с тем всегда хочется окунуться в другой мир, ощутить соль чужой кожи, мимолетную ласку иного бытия, другой реальности, другой жизни... но в том случае, конечно, если нет настоящего домашнего очага... А тут... Тут дело в другом, хотя, может быть, все это похоже на обычные отговорки... *(Они остаются на прежних местах, и появившийся Гермес, невольно мизансценически выстраивает с ними подобие треугольника. После «немой» сцены-зарисовки Марго уходит в ближайшую кулису, не глядя на других действующих лиц).*

Алекс и Гермес раздеваются и садятся вдвоём в бассейн. Во время их приготовлений люди с огнями зажигают факелы на спинке кресла и устраивают на авансцене файер-шоу. Затем в самом начале сцены заканчивая «огненную» интермедию медленно исчезают, оставляя зажженные факелы.

Алекс: Я могу Вам задать вопрос... интимный?..

Гермес: Можешь. Только почему именно интимный?

Алекс *(скрывая волнение)*: Да просто, как Вам сказать... Для человека, которого мало знаешь... В общем, мне нравится Ваш пирсинг на лице... А в нашей редакции так мало сотрудников у кого он есть. Да и то не по делу. Так что я и подумал обратиться за советом. К Вам. Проконсультируете?

Гермес: Да легко, папик... Чем могу-помогу.

Алекс: В смысле? *(смущаясь)*: А ну да, да... Я просто хочу получше узнать своего нового, судя по всему, неординарного сотрудника... Вот и намерен поближе познакомиться, благо Вы не отказались пойти со своим начальством в сауноу... на вечеринку...

Гермес: А ты не парься, папик, подумаешь... Так что давай, не стесняйся, спрашивай...

Алекс: Вот я и говорю. Раз уж мы на тусовке в одном, что называется «корыте» пересеклись... Я и решил воспользоваться Вашими познаниями в этом вопросе... *(смелее)*: Идёт? Так как насчёт пирсинга? Где его лучше присобачить? Я смотрю Вы себе его и на яички тоже... Вам идёт.

Гермес: Тема тонкая, её с бухты-бархты не провернёшь. Нужно точно знать – что хочешь. Куда хочешь. И всё такое... А может тоже на яйца? Будет круто. Прикольно! Ха-ха-ха... Вообще-то, если по-серьёзному, то сперва надо решить на кой тебе это грузилово? По идейным соображениям, или «вспомнить молодость»? Вы же, папики, все за молодёжью гонитесь ... Я прав?

Алекс (иронично): Ну что ж! Будьте уж понисходительней к моим «сединам»... Да и другим лучше не говорить... Я ведь только учусь... Ладно?

Гермес: А ведь ты мне понравился, папик. Есть в тебе свобода... *(тихо):* Не боишься экспериментов...

Алекс (тоже тихо и серьёзно): Я боюсь немножечко Вас, Гермес. Вы так молоды... Хороши собой... Талантливы... Мне даже страшно, насколько мы похожи, я – в молодости, и Вы сейчас... *(смеётся взволнованно):* Знаете, есть у Омара Хайяма, древнеперсидского поэта такие строки:

Утверждаю: вершина творения – мы,
Светоч разума, вспышка прозрения – мы.
Если с перстнем сравнить этот круг мирозданья,
Лучший камень его, без сомнения, - мы.

Гермес (подхватывая): О, не растите дерево печали...

Ищите мудрость в солнечном начале!

Ласкайте милых и вино любите,

Ведь не навек нас с жизнью обвенчали.

(Пауза, пьют шампанское): Может, поцелуемся на брудершафт?

Алекс: На брудершафт?

Гермес: Да ... *(Смеются. Придвигается к Алексу и целует его в засос. Алекс не сопротивляется.)*

Алекс (После поцелуя. Как бы извиняясь, обречённо): Это хорошо... *(пауза):* Это хорошо, что так всё складывается... Вы, Гермес, очень мою жену в молодости напоминаете.

Гермес: Здорово! Только не говори мне Вы, пожалуйста. *(Один из «огненных людей» подливает им шампанского. Уходит и тушит факелы на спинке кресла. В очередной раз Гермес заключает Алекса в объятия. Затемнение.)*

Алекс (В полнейшей темноте проговаривая каждый свой шаг): Я, почти торопясь, плавно, с легким нажимом, провел языком по оголенному пространству его удивительно белого бедра, и только затем уже, как долго ожидаемую точку в конце длинного предложения, завершая священное действие поцелуем, поставил едва заметную отметину легким засосом на внутренней поверхности ближе к колену. Потом пошел ещё дальше. Казалось, от одного петтинга можно сойти с ума... Но, искусный капитан всегда знает, когда нужно бросить якорь, а когда, что называется, поддать пару... И Гермес изнемогал, раскрываясь, как утренний юный цветок

каждой порой своего животного "я", подспудного, темного, полнокровного источника инстинктов, берущих свое начало от самого корня жизни, - ее величества Страсти!..

Картина 6

Гермес (с короткой стрижкой ярко-огненных волос, в изящном лёгком летнем костюме. В руках держит зелёную папку с документами, на фоне которой его отменный маникюр смотрится даже вызывающе): Извините, я не помешал?

Марго (в изящном дорогом летнем сарафане чуть выше колен, выгодно демонстрирующем её загорелые ноги. В руках - сумочка из крокодиловой кожи. Легкие летние перчатки до локтя - тут же на коленях. Сложная прическа возвышается над ее хорошеньким личиком, делая всю ее похожей на внеземную герцогиню какой-нибудь инопланетной цивилизации включая маленькие, с крохотными бриллиантами сережки...): Нет, что Вы, я, наоборот, сижу, скучаю, жду... Муж куда-то запропастился... Вы не знаете?..

Гермес: ...Так Вы жена Алекса?..

Марго (улыбаясь): Имею честь ею быть.

Гермес: А я Вас знаю. Вы ведете шоу по 32-му каналу, мне нравится, как Вы это делаете. Это мило и здорово. Мне очень-очень нравится. Вы - чудо.

Марго: Знаете, мне приятны Ваши комплименты, на удивление приятны, хотя я слышу их постоянно. А когда это превращается в рутину... Вы понимаете? И когда встречаешь так искренне восхищающегося человека, - завидуешь самой себе. Спасибо Вам. Меня зовут Марго. Маргарита. Но я не Булгаковская героиня. Тем более что мне не нравится её судьба... Быть прислужницей даже великого человека — утомительное занятие.

Алекс (появляясь на авансцене, влетел сосредоточенный, быстрой походкой, по мобильному телефону набрал номер, подождал несколько секунд, пока абонент не отзовется, успевая охватить всю обстановку быстрым цепким взглядом, мгновенно оценивая малейшую деталь): Ах, вот Вы где, дорогие мои? – (по телефону): Да-да. Это Макс? Прекрасно. Заявки поданы. Можете не беспокоиться. Все чин чинарем, как положено. Угу-угу... Безусловно, так. Ну, конечно же. В свою очередь, я думаю, Вы не забыли о нашем деле? Прекрасно. Я рад. Рад. Созвонимся. Успехов... – (захлопнул крышку мобильного телефона, широко улыбаясь присутствующим): А Вы, я вижу, уже познакомились. Хотя... (преувеличенно торжественно): ... Марго, это Гермес. Гермес - это Марго... (Они смеются.)

Марго: А мне муж рассказывал про Вас. Так Вы, Гермес?

Гермес: Да, я - Гермес. И что же он рассказывал... про меня?

Марго (*смущённо*): Рассказывал он немного, и я, по-моему, даже слегка приревновала Вас. Но встреча с Вами превзошла все мои ожидания. Вы - чудо.
(*Алексу*): А не пригласить ли нам нашего нового друга на ужин?

Алекс (*в замешательстве*): Неплохая идея. А Вы как думаете, Гермес?

Гермес: Я - за... Давайте планировать. Мы поедem в ресторан или в Вашу берлогу?

Алекс: Неплохая идея. Что скажешь, Марго? Не пригласить ли его на ужин к нам?

Марго: Я как раз собиралась испечь что-нибудь к ужину.

Алекс: Да! Ты же у нас прекраснаястряпуха. (*Затемнение.*)

Картина 7

Алекс: Вы знаете, Гермес, я очень люблю, когда она сама что-нибудь готовит в доме. Это настоящий праздник. Вот попробуйте, например, эта икра ее рук дело. (*Они уже сидят все втроем в условной столовой их обширного дома, улыбаются, шутят, пробуют яства.*) - Вам кофе? Вы пьете кофе, Гермес?

Гермес (*принимает чашечку с кофе, прикасается к краю полными сочными губами, отхлебывает, обжигается, улыбаясь, ставит чашку перед собой*): Спасибо. Крепкий и горячий. Я люблю все крепкое и горячее. Маргарита, а что любите Вы?

Марго (*лукаво*): Я? Мне нравится угождать гостям, тем более что в гостях у нас сейчас такое милое обворожительное существо, любящее всё крепкое и горячее...

Гермес: А Вы - против? Но за комплимент спасибо, мерси за комплимент. Мне тоже хорошо у вас. Вы такая милая замечательная семья. У вас тут так по-светски, типа салон на дому. Даже не хочется уходить.

Марго (*смеётся*): А Вы оставайтесь, Гермес. У нас прекрасная и удобная комната для гостей. У нас там и уборка сделана как нарочно... Оставайтесь! Я Вам и сказку на ночь, если нужно расскажу... Хотите?

Гермес: Да нет, спасибо! Мне сегодня нужно к себе. Так что сказку, скорее всего, буду ждать в следующий раз, я надеюсь...

Алекс (*обиженно*): От неё, Гермес, даже мне такого счастья не перепадает. Вы просто везунчик, просто счастливчик!

Марго: Ты, милый, давно уже не нуждаешься ни в каких сказках, особенно от меня... Ты уже давно сам себе любые сказки сочинить можешь. А Гермес у нас до сих пор любит разные истории про волшебников и волшебниц. Правда, Гермес?

Гермес (*подыгрывая*): И как это Вы, Марго, всё с ходу так и просекли? Про сказки-то? Просто фантастик!

Марго (*нежно*): Просто хотелось по-человечески Вам сегодня угодить...

Гермес: Ну, тогда круто. Так я пойду?

Марго (*ласково*): Что ж, если действительно надо, то с превеликим сожалением нашу звёздочку придётся отпустить ... (*игриво*): Надеюсь, ненадолго? (*Алексу*): Будь добр, проводи, пожалуйста, нашего гостя. Можешь взять мою машину, если хочешь.

Гермес: Спасибо за классный ужин. Вы отличная хозяйка, Марго. Я надеюсь с Вами увидеться вскоре. Было очень здорово. Респект Вам, Марго.

Марго (*целуясь и прощаясь с ним*): Я надеюсь. (*Затемнение.*)

Картина 8

Алекс: Тебе понравилась моя жена?

Гермес: Да. Правда, я завидую, когда тётки цепляют себе таких шикарных мужиков, как ты... Такая им пруха, вот же! (*вздыхает*): Ну, да ладно... Чего уж тут... Хотя, если бы ты захотел, Алекс, я думаю, мы были бы очень, очень счастливы вместе.

Алекс: Договорились... Когда встречаемся в следующий раз?

Гермес: Я не об этом, Алекс, не мучай меня.

Алекс: Да я абсолютно серьёзен. Ты что же думаешь. Это игрушки?

Гермес: Это ты, наверное, думаешь, что наши отношения – игрушки... (*После паузы*): Ты мог бы её оставить ради меня?

Алекс (*мягко*): Не городи огороды, золотой ты мой ... Зачем всё усложнять? Оставим всё, как есть. Будем регулярно встречаться, я обещаю ... Ну, что ты завёлся на пустом месте?

Гермес: На пустом месте? (*Передразнивая*): На пустом месте. На пустом месте! (*Всё больше впадая в раж*): Значит, все, что было между нами ... пустое место для тебя, крутой мужик?! Ты отказываешься признать нашу... нашу любовь, нашу связь! Ты чёртов кобель, Алекс, и бездушный трахарь!

Алекс (*стараясь говорить как можно нежнее и мягче*): Я твой близкий друг, Гермес, я очень к тебе привязался, малыш! (*Через паузу*): Поэтому я не ...

Гермес (*не слушая*): Трахарь, трахарь, трахарь и ... бездушный трахарь! (*Плачет.*)

Алекс (*пытаясь приобнять его за плечи*): Гермес, но я хочу тебя. Дай мне шанс, пожалуйста, сделать для тебя, что-нибудь, что-нибудь замечательное и... и приятное...

Гермес (*сквозь рыдания*): Ты уже сделал, твою мать! Ты сделал, сделал, кобель, твою мать! Про-щай... Видеть тебя не могу! (*рыдает*): Брось её или я брошу тебя...

Алекс: Но ты мне нужен, нужен, Гермес... Гермес, ты нужен мне!

Гермес (*убегает и кричит*): Ненавижу! Брось её! Ненавижу! Бро-о-о-сь ... е-ёёёё!
(*Далеко и еле слышно*): Я отомщу!

ДЕЙСТВИЕ 2

Картина 1

Алекс (*по телефону*): Какого чёрта? Я спрашиваю: какого чёрта? Почему никак не разыщите? Он должен быть на работе! Должен! Как не ваше дело?! Это дело всего коллектива, если человек не выходит на работу... А я говорю: немедленно выясните почему Гермеса нет в редакции! Я обязан знать всю информацию. Вы слышите?! Всё. Всё! Без вариантов. Жду! (*Бросает трубку и начинает метаться из стороны в сторону.*) Где же этот мальчишка? Что он вытворяет! И Марго как назло не берёт трубку! Ну, я им задам! (*Убегает.*)

Картина 2

Марго и Гермес в объятиях друг друга наслаждаются сексом и новообретённой близостью. Алекс внезапно появляясь перед ними, остолбенело вглядывается в невероятное зрелище.

Гермес и Марго (*в один голос*): Это ты?!!

Алекс: Я... Вы здесь?!!

Марго (*возмущённо*): Конечно здесь, милый, и по-другому не скажешь...

Гермес (*с вызовом*): Я предупреждал...

Алекс (*не слушая его*): Как ты могла... Марго... Как ты могла!

Марго (*осторожно*): Ты же знаешь, я многое могу...

Алекс: Ты злая, Марго.

Марго: Я не злая, я какая есть.

Алекс (*еле сдерживаясь*): И почему? Почему ты так?

Марго (*не зная как реагировать, озираясь*): А ты не понимаешь?

Алекс (*не слушая её*): Как ты мог, Гермес... Как ты мог!

Гермес (*вызывающе*): А я предупреждал, я говорил тебе, Алекс.

Алекс: Что?!

Гермес: Чтобы ты бросил её, Алекс. Я говорил тебе!

Марго (*взрываясь*): Да что тут, в конце концов, происходит наконец!.. Вы о чём!

Алекс (*не слушая её, угрожающе*): А я говорил тебе... честно говорил, что не могу её бросить. Она... (*подбирая слова*) самая-самая ... жена мне!

Гермес (*ехидно*): Настолько самая-самая, что вполне можно разбавить парнем помоложе...

Алекс: Заткнись!..

Марго: Заткнись!

Алекс (*кричит ей*): Не перебивай меня, Марго, когда я с подчинённым разговариваю!

Марго (*возмущённо*): Дурдом какой-то! (*язвительно*): И вообще, милый, в твоих устах "Марго" сегодня звучит как ругательство. Ты бы мог меня называть просто Маргаритой, хотя бы?

Алекс (*ей, но во все глаза глядя в Гермеса*): Совершенно не понимаю смены твоего настроения. (*Дразня её*): Что-то случилось?

Марго (*еле сдерживая рыдания*): Я пошла. Готовиться к последнему акту этой пьесы ... о нас.

Алекс: Марго, мы можем поговорить?

Марго: Уже поздно говорить, милый. Все уже сказано...

Алекс: Я не понимаю. Это вечер загадок, Марго? (*ехидно*): О, извини, Маргарита.

Марго: Это вечер простых и прямых ответов, Алекс. То, что было вчера, - никогда не повторится и не может повториться. Это нонсенс, понимаешь, нонсенс. Этого не могло быть и не было. Понимаешь? Не могло быть и не было!

Алекс: А вы, вы с Гермесом, Марго... Рита?!

Марго: Я подаю на развод, Алекс. Это последний наш вечер.

Алекс: Не уходи, мы ещё не всё выяснили! Не уходи!

Марго: Мы должны расстаться. То, что было - положило всему предел. Это конец, Алекс. Милый, это конец. Оставляю Вас с Гермесом наедине... Всё. Всё! Я пошла...

Гермес: Вот видишь, милый! Как всё обернулось... Не ожидал, папик?

Алекс: Перестань называть меня «папик»! Нужно обязательно помириться с Марго!

Гермес: Тебе нужно, ты и мирись. А мне и так классно, понял?

Алекс: Не хами, пожалуйста. Нам действительно необходимо помириться с Марго! Я прошу...

Гермес: Кому это нам, интересно? Я что, твой раб? Пошёл ты!.. (*Убегает.*)

Алекс: Вернись немедленно, Гермес, ты слышишь, слышишь? Вернись, мальчишка!
(Бежит за ним. Затемнение.)

Картина 3

Алекс (один): Мужчина всегда ошибается, думая, что если женщина улыбается ему, строит, что называется, глазки, кокетничает, то уже все predetermined заранее. Это не верно, это не так. Любая женщина создана из полунамеков, соткана из жестов, которые расточают вокруг нее особенный аромат, аромат сексуальности. Но эта сексуальность — вообще, она никому не принадлежит. И ошибается тот, кто пытается увидеть в этом нечто личное, что адресовано какому-то определенному мужчине. Да, конечно, женщина всегда ждет своего избранника, и, конечно же, он приходит, он обязательно появляется в тот момент, который женщина заранее, с самого рождения своего женского существа запрограммировала. Мне кажется, что когда приходит опыт, он всего лишь подтверждает ту простую истину, что научиться ничему нельзя. Если ты искренен, можно жить полно, всецело, всеми фибрами своего животного "я"... а опыт — это всего лишь налет всех мыслей, эмоций, реакций, настроений, сопутствующих самой жизни... Какова бы ни была игра, она заканчивается непредсказуемым результатом для игроков, страстно желающих то или это, настаивающих, ссорящихся и, в конце концов, побеждающих или проигрывающих. Но карма безошибочна. И ничего не остается упущенным или обойденным ее неусыпным Оком.

Хотя не так у мужчины с женщиной. Гермес мучил меня. Играл моими чувствами, то привлекая, то отталкивая меня... Верить было не во что. Я повис в безвоздушном пространстве, мне не за что было ухватиться. Мое страстное, почти маниакальное стремление к Гермесу, звериная тяга самца к обладанию - так и оставались недостижимыми. Прошел месяц с нашей первой встречи, и томительное, щемящее ожидание чуда соития с ним не покидало меня ни на минуту. Внешне оставаясь уважаемым бизнесменом, внутренне я обезумел и сходил с ума. Но Гермес, казалось, все отдалялся и отдалялся, а я ничего не мог с этим поделать. Не в моих руках находился ключ к решению этой проблемы. Я был всего лишь баловнем во всемогущих руках судьбы, и не оставалось ничего другого, как ждать и надеяться на лучшее, верить, что Гермес опять снизойдет до меня... Я снова буду касаться его тонкой белой кожи, рыжих щетинистых волос на голове и внизу, гладить его пленительные изгибы, целовать его плавно вздыхающее тело...

Мрачная была осень. Тяжелая и мрачная была осень. В такую осень хочется застрелиться. Иногда это происходит. Со всеми. Или с кем-то. Неважно. Первый раз для меня это явилось непередаваемым шоком. До сих пор, через расстояние, я так и не смог понять, как я пережил это. Как потерянный пробродил я тогда до позднего вечера, не останавливаясь, не заходя ни куда, с бесцельно застрявшим внутренним взглядом на пережитом, не разбирая дороги. Каждый шаг болью отдавался в моём сердце. Мучительная волна ревности, ненависти, отвращения хлестала и стегала меня хлыстом разбившихся надежд... Страшная, безобразная сцена мучительным пламенем обжигала мозг, вставала пылающей картиной перед взором. Никак не смог бы я понять, что соединило эти два существа, и не понял до сих пор, как ни

пытался... Витрины магазинов, лица людей, попадающихся навстречу, — все сливалось в сумасшедший бурлеск, безумие случившегося со мной ...

Да, они были вместе — Гермес и моя жена... Их сплетенные в объятиях тела шаровой молнией обрушились на моё сознание, опалили сердце, растоптали душу и вытолкнули из полной защищенности в крошечное бессилие. Но ко всему этому примешивалось странное, до дикости упоительное ощущение безраздельной близости к двум этим существам, которые для меня значили почти все, как я тогда думал и представлял себе. Страстный, живой, как ниточка Бикфордова шнура, Гермес и пьянящая своей плотной сочной сексуальностью Маргарита объединились в уме в единый образ всемогущего Эрота, бога всех Влюблённых, идола настоящих безумцев... Я любил их двоих. Любил страстно и жгуче ... И, как ни странно, ради этой любви я нашел мужество жить дальше. Ради нее я готов был разделять эту тайну в неразглашенном одиночестве обладания ею, готов был оберегать любовь Гермеса и Маргариты друг к другу от чего бы то ни было. И в то же время как могли они в едином порыве животного начала отбросить со счетов меня, Мужчину, ради которого одна когда-то бросила своего близкого друга, а другой навязал ему жесткую обольстительную игру в Чувство, - я так и не понял... Они упоенно и медленно гладили, целовали и вылизывали друг друга, словно два маленьких котенка. Не скрою, это было восхитительное зрелище. Два тела в упоительно плавном танце разврата. Хотя... Кто назвал это таким словом? Кто вообще придумал слова и наименования? Наверное, это мог сделать только тот, или те, для кого свобода была оковами, а счастье — недостижимой звездой и иллюзией. Кто придумал границы и меры весов, тот разделил живое единство на ничего не значащие механические части. Называющий вещи именами желает загнать в угол живой поток желания, наделять виной свободное волеизъявление, творческую магию созидания. Вины нет ни в чем, вина придумана! Есть лишь ни с чем не сравнимое движение к единству всего со всем, всего во всем. Вы, наверное, думаете, что мне просто нужно выговориться? Но я не думаю, что кому-то после этого станет легче, особенно мне. Я всего лишь щепка в океане жизни, раздавленная обстоятельствами ... Повесть о любви без любви, в которой все мы живем. Ибо любви мы не знаем... Я любил их... Я хотел... их... И страдал от ощущения пропасти, разделяющей нас.

Картина 4

(Свечи, свечи, свечи, свечи, свечи расставлены везде. По всему периметру сцены, по всей ее площади. На длинном импровизированном столе, размещённом на авансцене, - вкуснейшие блюда расставлены на столе: салаты, соусы, вторые и третьи комбинированные блюда в основном состоят из лакомств и утонченных деликатесов... Алекс сидит, привязанный к креслу без какой либо одежды, и не может пошевелиться... Гермес и Марго, обнаженные и великолепные, одеты лишь в маски на их лицах, скрывающие только их глаза, благодаря чему легко распознать, кто есть кто... Где-то спрятанный магнитофон торжественно и монотонно издаёт звуки тантрической музыки, записанной специально на ленту. Стоит густой аромат фимиама и каких-то других утонченных запахов, придающих всей

картине мистически-завораживающий вид. Они под равномерные удары тамтама танцуют эротический танец, шаг за шагом потихоньку приближаясь к нему, и, наконец, забираются на стол, грациозно скользя среди бутылок и тарелок, они берут с блюд отдельные кусочки, лакомятся ими, потом, наладомившись, вдруг облизывают его тело. Все это делается медленно и сладострастно. А затем опустившись на стол среди остатков пищи, принимаются ласкать друг друга. Наконец, они уходят... Но вот опять входит Марго.)

Алекс (*пытаясь выглядеть абсолютно спокойным и ласковым*): Да, я обычный мужчина, самец, каких сотни... И это не преступление, дорогая... Быть таким же, как сотни других в мире ... Это не преступление... Я знаю, ты сердисься, ты очень сердисься и это твоё право, твоё святое право, моя дорогая...

Марго (*зло*): Я не хочу слышать твою оправдательную трепотню, твой паршивый голос! И не называй меня «моя дорогая», урод...

Алекс (*вдруг резко, безапелляционно*): А ... Ты просто не хочешь быть неправой. Ты ищешь возможность оскорбить моё мужское самолюбие. Тебе важно быть правой, быть правой, быть правой, моя дорогая ... Сука! ... Ах, прости, прости... Ты, наконец, видишь во мне ... врага?!

Марго (*яростно*): Я не хочу видеть в тебе никого... я не хочу видеть тебя в принципе. Но пока ты будешь торчать рядом, я не хочу ни видеть тебя, ни слышать, понял?.. Мне пора на телестудию, подонок!

Алекс (*кричит*): А! Так тебе нужно на телестудию, тварь, дрянь... (*дразнит*) ... «мне пора на телестудию, подонок!» Так дрянь? Так тварь? Я не отпускаю тебя никуда, пока не задушю! Ты поняла, поняла меня, сука... Стерва!!!

Марго: Сам ты стерва, подонок! Я сама убью тебя! Я ухожу!

Алекс (*успокаиваясь*): Вот же сука... Я никуда не отпущу тебя, не надейся, пока не поставлю на колени и не убью... (*Пытается освободиться от пут.*) Тварь! Дрянь...

Марго (*кричит*): Да, пошёл ты, пошёл ты, козёл! Урод!! Урод!!!

Алекс (*почти мягко*): погоди! Дорогая...

Марго: Зачем? (*с издёвкой*) ... Дорогой!..

Алекс (*еле сдерживаясь, сквозь зубы*): Развяжи меня или я за себя не отвечаю... Развяжи меня... (*кричит*): Стерва, гадина!!! Развяжи меня или ... или ... я убью тебя, стерва, убью!..

Марго (*тихо*): Вот ты и проявился, дорогой! Пора поставить все точки над и... Пора тебе и твоему Гермесу туда, где Вам настоящее место. (*Злорадно*) В психушку. (*Холодно.*) Я договорилась с доктором, санитары ждут за дверью. (*Кричит*): Убивают!!! Он хочет убить меня! Он убьёт меня! Спасите, убивают!.. (*Тихо ему*): Понял, урод? (*Почти шипит*): Понял, кто из нас дрянь?! (*Кричит*): Помогите!

Алекс (*кричит из последних сил*): Я убью тебя... убью, М-А-Р-Г-А-Р-И-Т-А!..

Картина 5

Вбегают «огненные люди», одетые санитарями, уволакивают сопротивляющегося и орущего Алекса на фоне фаер-шоу, а за ним из кулисы в кулису тащат и брыкающегося Гермеса.

Алекс (*кричит*): Отпустите, отпустите меня, сволочи! Всех убью, я Вас всех убью, всех! М-а-р-г-о, ты дря-я-я-нь, Марго!!!

Гермес (*кричит вразнобой с Алексом, испуганно*): Я ни при чём, ни при чём! Отпустите! Отпустите, пожалуйста-а-а-а... (*Все исчезают в кулисе.*)

Марго (*Через паузу. Обращаясь к невидимому доктору, в зал*): Пациенты созрели, док! Приютите их, пожалуйста. И поддержите их в эту трудную минуту... Они так в этом нуждаются! (*Хохочет.*) Будьте к ним снисходительны... Как договаривались.

Голос невидимого доктора (*сначала по отношению к Марго*): Всенепременно, Ваше Высочество!

Марго: Желая хорошо повеселиться, Доктор!

Голос доктора (*к Марго*): Взаимно, душа моя!.. (*Санитарам*): Господа, санитары! Разместите, пожалуйста, наших гостей согласно забронированным им местам!.. (*Хихикает.*)

Картина 6

Голос доктора к Алексу (*вкрадчиво*): Поздравляю Вас, дорогой пациент. Пять дней кряду лежали Вы в полном беспамятстве и, наконец, возвратились к новой жизни и к новым свершениям. Наш персонал делает все возможное, чтобы поставить Вас на ноги окончательно. Желая Вам всего доброго. Выздоровливайте.

Алекс (*смутно, еле слышно*): Погодите, Вы, Вы... доктор?

Голос доктора (*бодро*): Да, да, дорогой пациент, я доктор. А Вам нужен покой, так как пять дней назад Ваша жена привезла Вас к нам в коме после тяжелой депрессии. Она попросила самым тщательнейшим образом присмотреть за Вами, и мы сделаем все, от нас зависящее, чего бы нам это ни стоило, дорогой пациент.

Картина 7

Алекс (*один, размышляя*): Прошло полных десять лет. Раннее летнее утро любого загородного местечка славится открытыми солнцу пространствами, свежим воздухом и залиvistыми трелями птичьих хоров. Пока солнце еще не в зените, жара не душит округу в своих «плотских» объятиях и люди, пользуясь утренней

прохладой, потихонечку начинают стряхивать с себя последние остатки ночной дремы. Тем же, кому предстоит дорога в город, на работу, необходимо пораньше встать, выпить чашечку утреннего кофе за завтраком, где еще не все члены семьи собрались за общим столом и отправиться по своим служебным обязанностям, не опаздывая и не мешкая. Солидному, интеллигентному мужчине тоже предстояло проделать довольно длинный сорокаминутный путь на машине до места работы, но он не торопился, степенно допивая чашечку горячего кофе. Он смотрел и смотрел, не отрываясь, на небольшую, почти миниатюрную женщину, женщину-подростка, хлопотавшую у плиты. *(Пауза)*. Это я и моя жена. Ей предстоит после ухода мужа еще собрать детей в школу - мальчика и девочку, таких же крохотных и милых, как она сама. Я люблю эту женщину, этого человека, с которым мы сошлись после лечебницы, где мы и встретились в том незапамятном году, когда всемогущая Марго засадила меня и Гермеса туда. *(Ей)*: Я заеду за тобой и за детьми как всегда, Эмма. Ты ведь не возражаешь?

Эмма *(улыбаясь)*: Да, Алекс... Я буду очень ждать этого момента. Мы все его будем очень ждать. Только не забудь, пожалуйста, заехать перед работой за абрикосовой водой в магазинчик "У Питера", ведь дети так любят ее.

Алекс *(целуя её в лоб)*: Хорошо, заеду обязательно. *(В зал, продолжая)*: Я проехал около десяти километров и свернул на обочину к магазинчику "У Питера", чтобы купить абрикосовой воды, как обещал жене, для детей. У магазина было необычно оживленно, не по-утреннему многолюдно от обилия телевизионных машин. Я вошел внутрь магазинчика и прошел к прилавку с абрикосовой водой. Снимался, видимо, какой-то сюжет или, может, фрагмент какого-то фильма, где-то дальше за стойками, в следующем, более просторном помещении, нежели отдел с соками и напитками. Я взял с полки бутылку и пошел к кассовому аппарату. И только здесь уже, расплатившись с кассиром и выходя, я заметил ее.

Величественная, уже сидящая женщина отдавала какие-то приказания снующим вокруг нее «телевизионщикам» и почти царственно руководила процессом операторской съемки вокруг нее. Это была Марго. Я почувствовал сильную дрожь, какое-то мгновение овладевшую мной и оставившую меня так же незамедлительно, как она и появилась. Я понял, что Марго просто не заметит меня, а если и заметит, то, конечно же, обойдет своим царственным вниманием, так как душившая ее когда-то звериная месть потеряла уже сейчас всю свою силу и не имела для нее никакого значения больше. Меня просто уже не существовало для нее. Я умер где-то там, на пороге между ее прошлой бурной жизнью и теперешним всеизвестным существованием. Но отголоски прошлого все-таки пробуравили меня странными нестерпимыми нотками ностальгии, жалости и сострадания к ней, не знавшей, и, по-видимому, уже не узнавшей настоящей любви. Для этого тихого глубокого чувства она была слишком холодна и величественна, беспощадна и сосредоточена на более "действенных" целях. Одним лишь мельком брошенным взглядом я увидел всё это во всемогущей Марго, оценил и отбросил как невозвратимое прошлое. И вышел из магазинчика, в свою теперешнюю настоящую жизнь и любовь, тихонечко прикрыв за собой дверь. Хотя... Негромко прозвенел колокольчик над входной дверью. Марго подняла глаза в сторону, откуда до ее

слуха донесся слабый звук, и, ничего там не увидев, продолжила свои обычные дела. Я шел к своей машине и думал о том, как хорошо, что все закончилось именно так. Как хорошо, что судьба меня выбросила, наконец, на берег, в эту семейную тихую солнечную гавань. Как хорошо, что кроме самой любви в любви больше ничего не существует, ведь там, где она есть, нет уже места никакому другому чувству, заблуждению. И не может быть больше ничего... другого. (*Затмение.*)

КОНЕЦ